

КНИГИ

Революции без изменений

Полина Колозариди

Арендт Х. О революции. Перевод И. В. Косич - Москва, Издательство 'Европа', 2011.

Слово “революция” утратило смысл. Левые регулярно завершают им свои статьи, предрекая неизбежность краха мирового катаклизма, тот же ярлык легко наклеивается на восстания в Северной Африке или “цветные” события в постсоветских республиках. В последнем случае часто добавляется совсем уж неприятный душок: это, мол, вообще не движение масс, а результат заговора и внешнего вмешательства. В общем, революция практически стала мемом не вполне ясного содержания. А где неясное содержание, там бессистемные действия. Значит, нужно разобраться с названиями.

У каждой нации своя революция. Для нас – это Февраль и Октябрь, для французов – Бастилия и Термидор, для англичан – Кроувель, для чехов – Ян Гус... Конечно, все учили мировую историю, но первая бессознательная ассоциация – с тем, что было в своей стране.

Это естественно. Чтобы взглянуть шире, нужен научный взгляд. Научный и политический. Их взаимосвязь – утопия, вожденная со времён Платона, почти недостижимая, но иногда приносящая плоды. Поэтому мы регу-

лярно пытаемся писать и трактовать научные книги о политике. И каждый второй автор, как представляется, надеется на то, что его **научная книга должна оказаться политической**. На деле таких книг очень немного, и “О революции” Ханна Арендт – одна из них. И не только потому, что она «легитимирует американские претензии на универсальные ценности». Хотя и это в ней есть. Книга очень «политична» по стилю и выводам, по той иерархии революций, которую выстраивает автор. И так, на первом месте оказывается американская.

Ханна Арендт приводит доказательства, которые подтверждают её правоту. Скорее в стиле политика или публициста, чем учёного, она пропускает то, что может противоречить её выводам. Получается книга-позиция, приглашение к спору, конфликту.

В чём главный конфликт? В том, какие революции “правильные”. То есть те, которые добились своей цели. А кто ставит цели? Зачем? Как? Автор отвечает на вопросы, последовательно анализируя документы, мемуары, переписки, исторические работы, философские труды. Поэтому безусловно политическое произведение **остаётся в рамках научной методологии**.

И третье после научного и политического свойство книги “О револю-

ции» состоит в том, что она – **часть публичного пространства, воспевает его и ему принадлежит**. То, что пишет Ханна Арендт, могло бы стать политической речью, неслучайно цитаты из Джефферсона порой более органично вписываются в текст, чем цитаты из Монтескье, который предстает в лучшем случае протагонистом истории, но не её деятелем.

Итак, по замыслу – антидот, средство от превратного толкования революций. И всё же, написанная в 1963 году, книга Арендт так и не изменила политическую риторику. Сегодня сохраняется та же ситуация аморфности и торжества демагогии, с сетования на которую и начался этот текст.

Более того, через пять лет после выхода книги Арендт вспыхнут события, которые выведут на **повестку дня совсем другие книги**: куда менее аналитичные, зато политически ангажированные. Изменения в технологиях и медиа-пространстве повлияют на политику, политика, в свою очередь, станет влиять на технологии, да так, что в какой-то момент покажется, будто и революция – понятие не более чем технологическое. И что его можно употреблять как просто превосходную степень. “О, это революция” - восклицаем мы, глядя на новую вещь. В повседневной речи революция стала синонимична изменению, движению к будущему, в то время как Арендт говорит о том, что революции нередко начинаются с попытки вернуть, сохранить. Революционеры пытаются объявить нелегитимным тот порядок, который якобы воцарился, ссылаясь на то, что изначально их страна должна была идти совсем другим путём, и именно их путь – к «истинной природе» общественного устройства.

Подлинная разница между революциями и нереволуциями начинается там, где намерения превращаются в лозунги, а лозунги – в действия. Хотя современные внутривнутриполитические **конфликты могут заканчиваться сменой режима, они редко меняют жизнь страны**. Сценографы перемонтируют декорации, создавая образ другой реальности. **Но это именно образ изменений, а не настоящее преобразование**. Арендт об этом, естественно, не пишет, 1963 год, ещё нет прецедентов. Но в её классификации “правильных” и “неправильных” революций есть объяснение тому, что будет происходить потом.

“Величайшим достижением Американской революции явилось последовательное устранение претензии власти на суверенитет в политической сфере республики, поскольку в ней суверенитет и тирания - это, в конечном счете, одно и то же”. Кстати, о русских революциях начала прошлого века Арендт упоминает лишь мельком. “Роковая ошибка людей революции состояла в не критической вере в происхождение власти и закона из одного и того же источника”, - как синтезу предшествует анализ, здесь, по мнению Арендт, нужно начинать с разделения пространств, а не слияния в политическом процессе. Разделение должно обозначать приоритеты, а именно – что защищает новый закон: собственность или свободу, безопасность или суверенитет. Для XX века мысль новая, но так вполне и не реализованная.

Итак, некоторые революции “революционнее, чем другие”, и Арендт ставит в пример США, которые не поддались искушению превратить процесс освобождения в процесс

приращения полномочий, экспансию государства. Одна из причин тому – разделение власти, которое “делает государство более сильным, нежели её централизация”. Не только функциональное, но и территориальное разделение – суверенитет даётся не “сколько хотите”, но в мере, достаточной для того, чтобы говорить о возможности для граждан быть участниками управления государством.

И это замечание делает книгу Ханны Арендт обязательной к прочтению сегодня. **Когда мы говорим о “прямой демократии” или “сетевом обществе”, нужно понимать, какое разделение власти** (сегодня в меньшей степени территориальное) **происходит** де-факто и де-юре. Как эта новая палитра полномочий оформляется в законы, писанные или неписанные. За разделением последует объединение, будет ли оно рождено войной или миром. Но размежевание – прежде всего. В неожиданном соответствии с известной максимой вождя мирового пролетариата.

Книгу Ханны Арендт обычно называют очень правой. Конечно, когда встречаешь фразы: “Только власть сдерживает власть, то есть, должны прибавить мы, не разрушает её, ставя бессилие на место силы”, либо читаешь сокрушительную критику доброй половины революций, то подобное идеологическое позиционирование напрашивается само собой. Но это поверхностное толкование. В конце книги вдруг появляется апология идеи Советов, которую уж никак не ожидаешь от «правого» автора. Арендт однозначно признает тот факт, что люди могут таким образом участвовать в государственной жизни, пусть и не в рамках социалистической модели, которую автор не приемлет.

Правда, на протяжении всех предшествующих глав Ханна Арендт устанавливает ограничения: руководствуясь лишь идеями прав и свобод, новое общество не создать. Права и свободы – это общие понятия, в которые каждый вкладывает свойственные его кругу представления о благе. Внутренние, не опознаваемые, они мешают предполагать результат революций, даже если лозунги и планы революционеров кажутся открытыми и совершенно ясными. Из этого логично вытекает следующая идея: **о необходимости публичного пространства**, в котором социальные интересы смогут находить политические пути воплощения. И наиболее отчётливо облекаться в слова. Именно выражение своей воли через слова оказывается благом и счастьем. Не частным, но общим. Есть политическая сфера, не исключительно принадлежащая власти, есть то самое общество и сфера сообщения между ними. Публичная сфера, в рамках которой должны постоянно сталкиваться и находить разрешение своего вечного конфликта представители и представляемые, общество и политики. Там рождается политическое действие, вовсе не в умах принимающих решения или «сознании толпы».

Для Арендт такой вывод не нов, она пишет об этом и в “Банальности зла”, и в “Vita Activa”. В противном случае возникает “множество конфликтующих массовых сантиментов, ожидающих “сильную руку” и готовых платить свободой за новый режим”.

Из этого можно вывести определение революции, её отличие от других форм смены власти. Если следовать мысли Арендт, **революция всегда имеет своей целью расширение свобод, то есть в практическом**

смысле – политических возможностей общества. Ни попытка справиться с нищетой, ни желание создать более эффективную систему распределения благ – ничто из этого не создаёт революционной ситуации. И опираясь на такое суженное определение, можно подходить и к современности. **Книга “О революции” оказывается практическим руководством для анализа социальных изменений,** с разработанной научной методологией, возможностью политической оценки, внятным и доступным достаточно широким группам людей языком. Применяя эту призму, можно оценить, например, следствия “технологических революций”: от книгопечатания до эпохи интернета, или посмотреть иначе на события в странах бывшего СССР,

или разглядеть объективные механизмы происшедшего в России в 1991 году. Арндт предлагает не бесспорный, но ясный критерий: появилось ли публичное пространство, в котором подспудные социальные сдвиги обретают свойства политических дискуссий или нет?

Если применить книгу Ханны Арндт к практике последних двадцатилетий, получится, что **мы оказались в странном времени изменений без революций.** Эти изменения подаются как необходимость, а не возможность. Термин “революция” создает иллюзию движения, в то время как политический процесс остаётся консервативным, сковывая ускорение социальных изменений. Впрочем, если верить Арндт, это ненадолго.